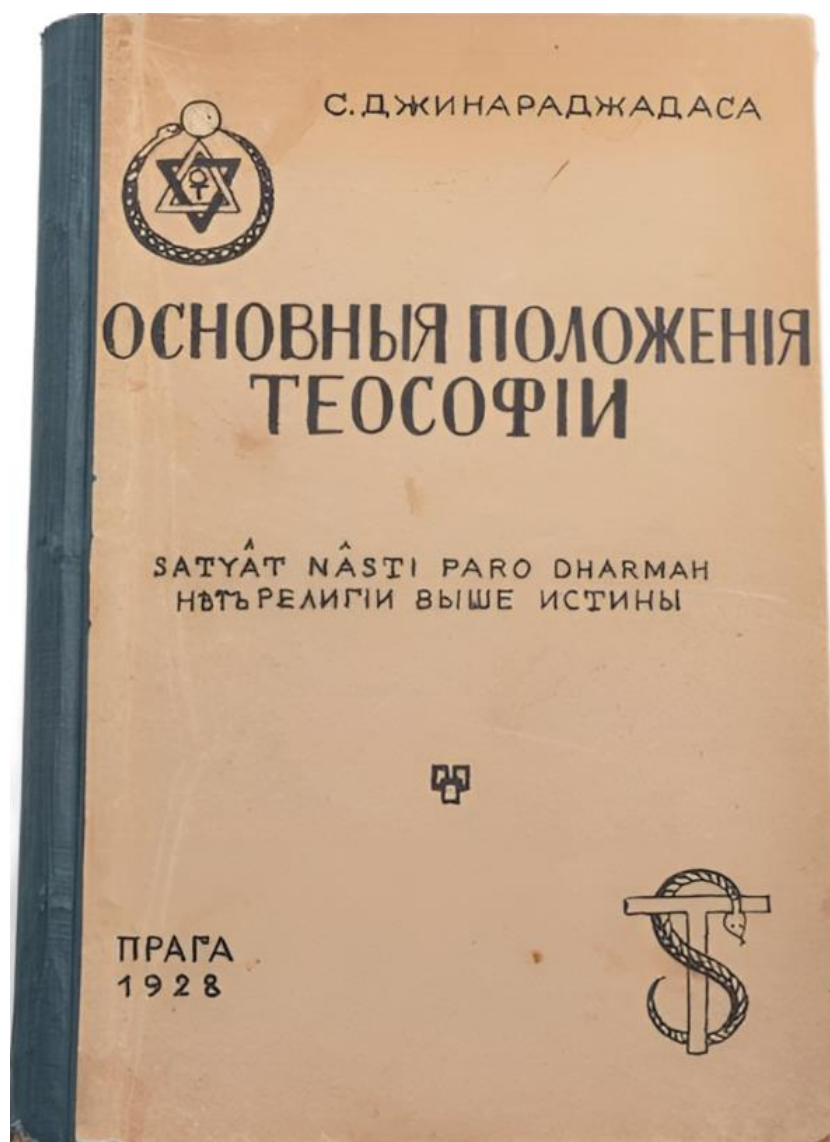

Чурупумулладж Джинарадхадаса

ПРАКТИЧЕСКАЯ ТЕОСОФИЯ

Эти лекции были прочитаны в Чикаго, США, в 1910 г., и позже на ежегодном съезде секции Бирмы в 1914 г.

Автор книги "Практическая теософия" Ч. Джинараджадаса — четвертый президент Международного Теософического Общества (в 1946–1953 г.г.). Под его редакцией в 1919–1926 г. были опубликованы материалы двухтомника "Letters from the Masters of the Wisdom" (Письма Учителей Мудрости) и им же, на основании документов, хранящихся в архиве центральной штаб-квартиры Международного Теософического Общества в Адьяре (Мадрас, Индия), подготовлены комментарии к ним.

Глава 1

ВСТУПЛЕНИЕ

Ценность теософии как философии поведения состоит в том, что теософия подходит нам в любое время и для любого рода деятельности. Содержа универсальные истины, касающиеся глубочайших проблем бытия, в то же время она говорит нам правду, проливающую свет на самые незначительные явления нашей повседневной жизни. Человек, раз овладевший теософическими принципами, пусть даже только интеллектуально, уже никогда их не оставит. Они столь же нераздельно вплетаются в ткань всей его жизни, как истины эволюции вплетены в ткань Природы. Человек может отказаться жить по ним, но не может отделить себя от них, они преследуют его дома, в его делах, в его развлечениях; они постоянно дают текущий комментарий всему тому, что он видит и слышит.

Есть три фундаментальных истины теософии, изменяющих отношение человека к жизни, как только он начинает их применять. Вот они:

1. Человек — бессмертная душа, которая через века растёт к идеалу совершенства.
2. Рост души происходит путём обучения сотрудничеству с божественным планом, который есть эволюция.
3. Человек учится сотрудничать с божественным планом, в первую очередь, учась помогать своим собратьям — людям.

Первая истина говорит нам, что человек — это душа, а не тело; что тело — просто инструмент, используемый душой, который может быть оставлен, как во время смерти, когда он больше не подходит для намерений души.

Она также говорит нам о реинкарнации или о процессе повторения рождений на земле, путём которого душа жизнь за жизнью увеличивает свой опыт, таким образом, медленно возрастая и в мудрости, и в силе, и в красоте.

Вторая истина говорит нам, что цель жизни — не созерцание, но действие, и что каждое действие в жизни человека должно быть руководимо пониманием необходимости его гармоничного соответствия божественному плану эволюции. Чем больше душа сотрудничает с божественным планом, тем счастливее, мудрее и великолепнее она становится.

Третья истина говорит нам, что каждый человек связан невидимыми узами со всеми своими братьями; что они поднимаются и падают с ним, а он — с ними; что только когда он помогает целому, частью которого он является, он действительно помогает себе. Потому любовь к братьям и альтруизм в высшей форме являются неотъемлемым условием роста.

Эти фундаментальные истины применимы к любым случаям жизни, и теософ — это тот, кто их применяет. Давайте теперь посмотрим, как их можно применить к различным областям человеческой деятельности.

Глава II

ТЕОСОФИЯ В СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Что есть семья в свете теософии? Это место встречи душ, которые должны помогать друг другу совершенствоваться. Никто не приходит в семью просто волей случая. Старшие и младшие, хозяева и слуги, гости и даже домашние животные находятся в семье, ибо каждый из них может помочь и принять помощь. В божественном плане нет такой вещи, как случайность — каждый приходит и уходит, чтобы стать членом семьи надолго или ненадолго, потому что он может сотрудничать, чтобы способствовать благосостоянию всех членов семьи. У каждого в семье определённая роль, и его рост, как души, осуществляется путём исполнения этой роли со всей полнотой, которую только позволяют его способности. Дом — это место для роста, и идеальный дом — тот, где условия таковы, где каждый член семьи наиболее быстро развивается, продвигаясь к совершенству.

В домашней жизни есть несколько аспектов, и принципы теософии могут повлиять на на каждый из них. Что может сказать теософия относительно взаимоотношений родителей и детей, мужа и жены, господина и слуги, хозяина и гостей? Давайте сначала разберем взаимоотношения родителей и детей. Ребенок имеет двойственную природу: во-первых, душу, а во-вторых — тело. Лишь тело ребёнка обеспечивают родители, душа же его живет своей независимой жизнью и берет на себя заботы о предоставленном ей теле, потому что надеется через это тело развиваться. Только в телесном смысле родители всегда старше, но как душа ребёнок часто бывает ровней родителям, а иногда оказывается мудрее, способнее и более развит, чем они.

Потому ребенок не принадлежит родителям; они только опекуны, хранители его тела в течение детства и ранней юности, пока душа ещё не может управлять телом в полной мере. Фраза "мое дитя" не дает права на судьбу ребенка, она дает только привилегию помочь в эволюции братской душе. Так как родители развиваются, учась помогать своим братьям, то в качестве такового им и посылается ребенок.

Во время раннего детства долг родителей — помочь душе научиться управлять телом. Эта душа приходит с большим опытом прошлых жизней и готовится к обширной работе в далеком будущем. Ребенок рождается в определенной семье, потому что данное окружение и заслужено им, и позволяет получить тот самый опыт, который нужен ему для развития и роста. Долг родителей — помочь ребенку его обрести.

Прежде всего нужно окружить ребёнка всем необходимым для здоровой жизни. Долг родителей — знать правила гигиены и санитарии, чтобы физические условия жизни ребёнка были настолько совершенны, насколько возможно. Дальше родители должны обеспечить эмоциональную и ментальную атмосферу, способствующую развитию ребенка. Душа ребенка не совершенна, она приходит из прошлых жизней, где у него было и хорошее, и плохое; и склонности и к тому, и к другому остаются у него, когда он принимает новое рождение.

Родители же могут помочь развитию и росту ребенка путем обращения к его памяти в раннем детстве, вызывая хороший и полезный опыт, а не плохой и порочный. Верно, что душа должна искоренить в себе зло только своими собственными действиями, но другие могут облегчить ей это, особенно когда ребёнком она начинает новую жизнь, добавляя свой вес на сторону хорошего в нём, а не плохого.

Поэтому родители должны понимать невидимую силу мысли и чувств, и знать, как гневная мысль, будь она выражена или нет, поливает семена гнева, принесённые ребёнком из прошлых жизней, и как мысль любви точно так же оставляет без питания зародыши зла, в то же время питая зародыши добра. Душа, в которой есть и добро, и зло, может начать свой новый жизненный эксперимент, как хороший ребёнок, скорее, чем как плохой, если родители будут работать над собой, питая добрые мысли и чувства вместо плохих.

Хотя долг родителей окружить детей всем, что способствует доброте и красоте, неудача даже в таких прекрасных условиях может быть не обязательно по вине родителей. Душа ребенка может обнаружить в себе зерна зла, слишком сильные, чтобы совладать с ними. Родители могут попытаться что-либо сделать, но, если ребенок не поддается их влиянию, он должен пойти своим путем. Душа будет учиться на ошибках и страданиях, причинённых этими ошибками другим и ей самой. Если родители выполняют свой долг, то они делают всё, что предписывает им божественный план; они не могут переделать природу души, ибо душа должна трудиться сама над своим спасением. Ошибка — не беда, как это может показаться, если мы знаем, что душа имеет для исправления ошибок не одну, а несколько жизней. Божественный план дает душе столько возможностей, сколько ей требуется, пока она наконец не вырастет и не наберется сил и добродетелей. Поэтому родители не должны винить себя, если они выполняют свой долг, а их дитя не отвечает идеалам добродетели. Возможности, от которых ребенок отказался, вернутся к нему снова, но только после того, как он страданиями будет научен их не упускать. Что должны делать родители при таких обстоятельствах, так это не думать плохо о душе ребёнка, то есть считать её потерпевшей неудачу, увеличивая такими мыслями ее слабости, а думать о достоинствах этой души, тем самым их укрепляя.

При воспитании детей встает один очень важный вопрос — как научить ребенка поступать правильно и не поступать неправильно. К несчастью, цивилизация до сих пор верила, что телесное, физическое наказание неизбежно и является одним из методов воспитания. Хотя родители обязаны воспитывать ребенка, они не имеют права ни при каких обстоятельствах принуждать его; оправдание, что наказание полезно для ребенка, не имеет никакого основания. Действительно, в раннем детстве тело ребенка в значительной мере управляется животным разумом, лишь осенённым природой души, и многое из того, что делает ребёнок, не имеет никакого прямого отношения к душе, или очень малое. Это не душа ест и пьет, раздражается или требует, настаивает на чем-либо, радуется игрушкам или смеется от удовольствия.

Эту животную природу ребенка действительно нужно часто обуздывать, но всякое внешнее давление, производимое путём телесного наказания, хотя и может дать результат, вместе с этим вызывает и определённое огрубение тел ребёнка, что делает их менее восприимчивыми к духовным влияниям высшего Я.

Высшая природа ребенка, представленная его скрытыми эмоциями и мыслями, очень чувствительна, и если о ней правильно заботиться, то по мере его роста может раскрыться счастливая и прекрасная эмоциональная природа, а также интуитивное мышление. Грубое воспитание может временно задержать неблагоприятные поступки ребенка, но огрубляет его тонкие тела, и постоянное применение такого метода убивает в ребенке высшую чувствительность, которая должна бы заметно проявляться во всех мужчинах и женщинах, как нормальная отличительная черта человеческого существа. Тот, кто благодарен своим строгим воспитателям за то, что наказаниями они сделали из него хорошего человека, не сознаёт, насколько лучше он мог бы стать при рациональной, разумной системе воспитания.

Когда родители и воспитатели поймут, что все жизненные опыты нельзя втиснуть в одну краткую жизнь, что перед душой вечность и она имеет право на свои собственные эксперименты в жизни, коль скоро она не мешает развиваться другим, что каждый человек сам ответственен за добро или зло, которое он может совершить, а другие отвечают за него лишь как братья и близкие, тогда у нас будет более здравый взгляд на этот вопрос, и станет нетрудно разработать методы дисциплины, сдерживающие животную природу ребёнка, не унижая его высшей природы — природы души.

Если мы перейдём к таким семейным отношениям, как супружеские, то теософия учит, что муж и жена имеют в жизни равные права, привилегии и ответственность. То, что свело их вместе в эту семью — это ряд обязательств и привилегий, в совокупности называемый действием закона кармы, или закона действия и противодействия. В этой жизни они встретились не впервые, они уже встречались в других жизнях и вместе создали связывающую их карму. Они также создали карму и с другими душами, которые пришли к ним как их дети и другие зависимые от них люди. Это их карма, их долг по отношению друг к другу и к окружающим их домашним, соединила и соединяет души, делая их мужем и женой.

Часто эта карма приносит с собой расцвет любви и симпатии; в таком случае мы имеем идеальный брак, но вполне может случиться так, что два человека, соединенные вместе, переживают фазы несчастий, созданные их совместной кармой. В обоих случаях божественное предназначение состоит в том, чтобы они хорошо узнали друг друга в своих божественных природах и открыли свою совместную работу, в действительности являющуюся частью великого божественного труда. Души могут открыть друг друга через любовь, но, если они не делают этого, жизнь заставляет их открыть друг друга через ненависть — ведь ненависть, которая отталкивает вначале, притягивает в конце.

Мужчины и женщины открывают эти тайны жизни и вне супружеских отношений, но тем не менее эти отношения были задуманы как один из способов открытия.

Никакие иные отношения не дают таких огромных возможностей открыть Я другого человека, а также и своё собственное, как эти, и люди использующие эти возможности, данные кармой, таким образом растут духовно и приближаются к открытию Божественного Я в себе и во всём человечестве.

Если это высокое духовное предназначение осознаётся, как основа семейной жизни, то семейная ответственность и привилегии проявляются в новом свете, ибо через обыденные домашние заботы сияет свет Вечности. Рождение детей или их потеря, беспокойство и забота о них, их радости или печали, — всё это вместе опыты, ведущие к великому открытию. Семья не является местом встречи простых путников, которые встречаются на несколько коротких лет, чтобы затем их пути разошлись в вечности. Это больше похоже на театр или концертный зал, где репетируется драма или композиция, чтобы все исполнители могли научиться играть свои роли с красотой и достоинством, вызывая восторг и человека, и Бога.

Не лишены сходства с этим и отношения в доме между хозяином и слугой. Обычно там, где существует такая связь, слуга бывает менее развит, чем хозяин. Он поэтому и появляется в этой семье, что там ему может помочь расти более старшая душа. Мы можем нанять слугу, но его приход к нам — не дело случая. Мы можем платить ему зарплату, но наша кармическая связь не кончается на деньгах, которые мы ему даем. Слуга является душой-братом хозяина и обычно "младшим братом", а денежные отношения между ними никогда не должны умалять того великого факта, что они братья.

Слуги приходят к нам, чтобы им был показан более высокий идеал жизни, чем тот, что был бы им доступен, не будь они вместе с хозяевами. Чистота, методичность, добросовестность, великодушие, учтивость, хорошие манеры и культура — всё это примеры поведения, которые хозяин должен подавать сознанию своего младшего брата, слуги. Хозяин не имеет права с него спрашивать, пока сам не покажет пример. Слуга является мерилем достижений хозяина. Долг каждого хозяина быть терпеливым и понимать, как вызвать самое лучшее у слуги через дух добровольного сотрудничества. Будучи слугой, можно заработать множество добродетелей, которые в следующей жизни, в которой будут лучшие возможности, приведут к великим делам. А те из нас, кто, будучи хозяевами, еще не приобрели таких добродетелей, будут вынуждены вернуться к жизни слуг в следующей жизни и научиться им.

Рабом трудившийся когда-то станет принцем
Достоинство, заслуги обретёт
Царь будет пущен по миру в лохмотьях
Всё превращается, и как придёт, так и уйдёт.

Домашнее животное, будучи частью семьи, вовсе не является таким маловажным её членом, как люди обычно воображают. Божественная жизнь есть в животном, так же, как и в человеке, но находится на более ранней стадии и потому менее развита. Дальнейшее развитие она должна приобрести через контакт с человеком.

Долг человека перед своим домашним животным — смягчать его дикую природу и прививать черты разума, любви и привязанности. Поэтому, несмотря на то что животное служит нам, мы должны использовать это с целью продвижения его к человечности, ведь животное когда-нибудь станет человеком. Если мы тренируем у собаки сообразительность, то это не должно быть использовано для усиления её животных качеств, как, например, бывает при тренировке охотничьих собак. Домашний кот может быть "хорошим мышеловом", но не для этой цели бог направил его в семью. Если мы тренируем лошадей, то конечно же не для того, чтобы развить в них скорость для скачек или охоты; их служба должна быть направлена на развитие в них тех качеств, которые вносят вклад в их развитие в сторону человеческого царства, а не увеличения скорости. Основной принцип в наших отношениях с животными — это преобразование их дикой природы и развитие в них человеческих черт, ибо для этого они и посланы нам. Ведь современное животное когда-нибудь станет человеком, так же как современный человек когда-нибудь станет богом, и тот лучше служит эволюции, кто помогает божественной жизни быстрее двигаться по своему восходящему пути.

Глава III

ТЕОСОФИЯ В ШКОЛЕ И КОЛЛЕДЖЕ

В настоящее время в мире образования очень много попыток проведения реформ. Все, чей практический долг состоит в обучении детей и выстраивании их характера, признают, насколько неудовлетворительны существующие теории и методы. Направление и смысл этих различных реформ становится очевидным, когда мы подходим к проблеме образования с точки зрения теософии. Существующие теории начинают с предположения, что ум ребенка с момента рождения и до прихода в школу является чистым листом бумаги, поэтому целью обучения является дать ребенку знания, которыми он не владеет и сформировать характер, который еще не сформировался. Эти теории всё еще принимаются как верные, несмотря на тот факт, что всякий, кто обучал детей, и все родители, которые обязаны их воспитывать, знают из практики, что с самого раннего возраста дети обладают различным характером, как и разными способностями.

С теософической точки зрения, первое, что надо помнить о ребенке — это то, что он, прежде всего, бессмертная душа, и ее проявление в виде мальчика или девочки осуществляется для того, чтобы раскрыть свои скрытые качества через опыт. Второе, что следует помнить: видимый мир — только одна часть гораздо большего мира, в котором живет ребенок; всё время он находится под полезными и вредными влияниями не только того, что мы видим и слышим, но и под влиянием невидимой атмосферы мыслей и чувств других. Как бессмертная душа, ребенок имеет большой жизненный опыт прошлых воплощений, и нынешнее его появление — одно из многих подобных, имевших место в прошедшие века. Потому он уже многое знает о жизни и приобрел определённый опыт о том, что следует делать, а чего не следует. Однако, эти знания являются в значительной мере спящими, насколько это касается детского мозга.

Истинная цель образования, следовательно, двояка: во-первых — пробудить эти спящие знания у ребенка. Ему нужно помочь быстро вновь открыть те принципы поведения, который он испытал в прошлых жизнях и нашёл для себя стоящими, и самая лучшая форма образования — та, при которой душа, действуя через ум ребенка, может быстро припомнить прошлые успехи и неудачи. Вторая цель образования — как можно быстрее привести ребенка к синтетическому (обобщенному и целостному) видению жизни; ибо никто не станет образованным, пока не сможет видеть жизнь с некой центральной точки зрения. В повседневных занятиях жизни мы склонны терять ориентиры, потому что позволяем пролегать разделительным границам между нашими эмоциональным, ментальным и нравственным мирами. А когда мы существуем так вот отдельно, наши энергии всегда оказываются менее действенными, чем если бы мы жили целостно.

Потому образование с самого начала должно внушать ребёнку чувство жизни как единого целого, а поскольку он уже пришёл к некоторой степени синтеза через опыт своих прошлых жизней, педагог должен стремиться к быстрому припоминанию им этого синтеза и развитию его для охвата ещё более обширного горизонта.

Эта работа, в которой душе, действующей через детское тело, помогают вновь обрести свой прежний синтез, должна производиться тремя этапами, а именно — в детском саду, в школе и в колледже. Теперь мы посмотрим, что может сказать теософия относительно образования на каждом из этих этапов.

Ребенок — не только маленькое физическое тело, которое мы видим, он также и астральное тело — тело эмоций, и ментальное тело — тело мыслей. Все три тела — ментальное, астральное и физическое составляют личность ребенка. Они чувствительны и требуют тренировки и координации. У каждого из них есть своя жизненная сила, совершенно отдельно от управляющей жизненной силы души ребёнка, и своё зачаточное сознание с предпочтениями и неприязнями, вовсе не обязательно совпадающими с предпочтениями души. Эти подспудные потоки сознания в детстве ярковыражены, и их следует держать в должных границах, пока душа не начнет использовать соответствующие им тела. Иногда некоторые из подсознательных потоков могут быть совершенно противоположны натуре ребенка; физическое тело ребенка может быть чрезвычайно шумливым или вялым в зависимости от того, что унаследовал ребенок от родителей, но это не обязательно означает, что душе недостаёт спокойствия или силы. Точно так же и у астрального и ментального тела каждого ребенка есть свои начальные энергии совершенно отдельно от энергии души, использующей эти проводники. Поэтому, главная цель воспитания на детсадовском этапе — дать ребенку возможность приобрести контроль над своими телами; мозгу нужно развитие при помощи мускульных движений, эмоциональной природе — при помощи чувств, а ментальной — при помощи мыслей.

Работа в детском саду, как мы знаем, тренирует физическое тело ребенка системой, порядком, ритмом, а его мозговые центры учатся распознавать цвета, формы, веса, температуры и т. д. Ловкость рук, которой учат в детском саду, отражается на эмоциональной и ментальной природе ребенка, и такая тренировка весьма необходима, потому что даёт возможность душе быстрее войти в свой прошлый опыт синтеза. Но нам нужно признать, что на характер ребенка влияют не только предметы, которые он трогает руками, и формы, которые он видит, но и многочисленные невидимые влияния: линии, углы, изгибы комнаты в которой ребенок трудится, цвет стен и формы предметов, окружающих его в комнате детского сада — всё это невидимо помогает или мешает ему. Каждая линия на окружающих предметах, каждый оттенок цвета, каждый звук, который он слышит, влияют на его ментальную и эмоциональную природу; и мы можем помочь или помешать детям теми предметами, которые окружают их в детсадовской жизни.

Современные методы детского сада показали важность обращения детей с различными предметами, но воспитатели пока ещё не признали, что и сами предметы постоянно, хотя и невидимо, оказывают влияние на ребенка и направляют его на правильный или неправильный путь.

Влияние воспитателя на ребенка, с точки зрения теософии, намного больше, чем это сейчас представляют; ведь на ребенка влияет не только видимая сторона воспитателя, но и невидимая его природа. Строгое слово или яркая улыбка воспитателя дают видимый эффект, и точно так же, но гораздо мощнее, оказывает влияние его мысль. Истинный воспитатель должен быть подготовлен в методах воспитания не только интеллектуально, но и эмоционально, и в детском саду это особенно важно, так как детские астральные и ментальные тела еще необычайно чувствительны к мыслям и чувствам воспитателя. Без любви к детям и глубокого интереса к их жизни никто не имеет права быть воспитателем или учителем; и этот основной принцип является самым важным в детском саду, где в ведении воспитателя и тела детей, и их души.

В детском саду нужно сделать ещё много усовершенствований, но главный принцип, стоящий в основе их всех, состоит в том, что поскольку три тела ребёнка ещё пластичны, долг воспитателя — оказывать на них влияние не только видимое, но и невидимое, чтобы через мозг ребёнка так быстро и полно, как только возможно, могла действовать природа души.

После того, как ребенок научится контролировать свои тела (проводники) в детском саду, на следующем этапе, в школе, он должен приобрести чувство Закона. Поэтому над его эмоциями нужно будет работать более полно. Ребёнок родился с эмоциональной природой, которую он развивал много жизней, так что учителю приходится работать не с совершенно пластичной или неразвитой эмоциональной природой. Он может только видоизменить её, исправляя искажения и укрепляя прекрасное. Что надо дать ребенку или, как обычно бывает, фактически лишь разбудить в нем? Это способность глубоко чувствовать и, в то же время, чувствуя, сохранять спокойствие.

В значительной мере это может быть достигнуто путём работы с физическим телом. В этом и заключается ценность гимнастики, особенно тех её видов, которые развивают чувство ритма. Его можно развить с помощью таких физических упражнений, как танцы или ритмика. Здесь проявляется яркая эмоциональная реакция — детское невидимое эмоциональное тело уравнивается и приобретает чувство закона и порядка; также это действует и на ментальную природу, настраивая её на мысль о законе. Этот эффект особенно увеличивается, когда ритмические движения совершаются многими детьми вместе; в этот момент они едины в невидимом ритмическом движении, которое дает им ощущение великого закона красоты и ритма.

Чувство закона и красоты развивается у детей также поэзией и музыкой; это не значит, что детей надо заставлять писать стихи и сочинять музыку, хотя и есть такие занятия для тех, кто имеет такие способности, но музыка и поэзия даются как эмоциональная пища. Каждый ребенок с раннего детства должен знать немного стихов и музыки соответственно своим способностям, но мы должны очень внимательно следить, чтобы словесные или музыкальные фразы действительно были подходящими. Ведь как физическая грязь может внести инфекцию в чувствительное физическое тело ребёнка, так и его эмоциональную и ментальную природу можно заразить вредоносной поэзией и несовершенной музыкой. Обычные детские стишки с беспорядком мыслей и образов, имеющие мало отношения к жизни, в этом отношении определённо вредны; может быть сейчас поэты создадут для детей великие поэмы, которые займут место бессмысленных стишков, которым учат детей сейчас. Если бы мы могли в нашей современной цивилизации избавиться от ужасного шума на улицах и убрать безобразные рисунки на заборах, равно как и прекратить употребление искажённых фраз, далеких от их правильного значения, то нам не пришлось бы жаловаться на невоспитанных детей. Их буйность — болезнь эмоциональной природы, но зародыши её не столько в детях, сколько в окружении нашей современной цивилизации.

Ментальную природу ребенка надо формировать так, чтобы она была всегда верна фактам, а это в наши дни чрезвычайно трудно, поскольку мы используем столько слов, которые значат вовсе не то, что должны бы означать. Слова, у которых есть определённые, общепринятые значения, часто употребляют с намерением преувеличить или превращают их в жаргон, а это вносит путаницу в чувствительную ментальную природу ребенка. Поэтому требуется большое внимание к тому, чтобы ребенок слышал их в правильном значении, и между словом и вещью была точная и ясная связь. Ментальная природа ребенка чрезвычайно активна и ей трудно удержать определенное направление, поэтому ребенку надо давать ясное описание вещей, да и от него ожидать того же самого. Ментальная точность при обучении ребенка даст возможность спящему разуму с годами выразить себя полнее, и эта точность мысли и описания необходимы для высшей цели, а именно — ввести в мозг ребёнка сознание души, которая уже имеет точное понятие о тех или иных вещах на опыте прошлых жизней.

Излишне говорить, что ум ребёнка нужно тренировать сказками и историями. Ум — один из самых прекрасных архитектурных инструментов, находящихся в нашем распоряжении, ибо природа ума — строить. Поэтому на различных ступенях развития ребенка мы должны давать подходящий материал, с ранних лет показывая уму, что даёт красоту в строительстве. Здесь приходят на помощь сказки, особенно мифы. У мифов есть присущая им красота структуры построения и детский ум развивает высокую способность воображения, когда ему преподают великие истории видимого и невидимого миров.

Необходимый элемент в обучении — дать ребёнку, даже в раннем детстве, определенный синтез, на котором он сможет основывать своё воображение, и для этого особенно необходима религия. Под религией здесь вовсе не имеется в виду каких-то догм богословского характера. То, что нужно ребёнку для начала — какая-нибудь великая универсальная мысль, воплощающая в себе универсальное чувство. Каждая религия имеет много подходящих мыслей даже для детского разума, что дает возможность окружить детей прекрасной религиозной атмосферой. Каждого ребенка следует научить утром и вечером вспоминать, что он — душа, что делается при помощи какой-нибудь простой молитвы или утверждения. Одна такая формула, широко употребляющаяся среди детей теософов, называется "Золотая цепь":

"Я звено в Золотой Цепи Любви, простирающейся вокруг света, и должен сохранять моё звено ярким и сильным.

Я буду стараться быть добр и мягок каждому живому существу, которого я встречу; буду защищать всех, кто слабее меня, и помогать им.

Я буду стараться думать чисто, посылать красивые мысли, говорить чистыми и красивыми словами, совершать чистые и красивые поступки.

Пусть каждое звено в Золотой Цепи станет ярким и сильным."

В этой прекрасной молитве детское воображение может легко уловить символизм, так как молитва содержит великую мысль единства жизни. Нас ещё ждёт работа по созданию учебников и рассказов, которые бы отображали жизнь всего человечества, в то же время увлекая детское воображение. Мы могли бы сделать из детей великих философов, если бы только осознали, что философия — дело не систем и школ, а мыслей, чувств и целей, которые у лучших представителей человечества общие.

Ещё одним важным элементом в детском воспитании должно быть обучение, которое дети получают, ухаживая за растениями и животными. Эти более низкие царства природы постоянно должны быть в жизни ребёнка, чтобы он помнил, что он — звено великой цепи жизни, и осознавал, что он растет в благородстве, служа не только тем, кто над ним, но и тем, кто ниже него. Кроме того, каждый цветок, дерево и животное излучают свое влияние, и мы можем использовать их невидимую помощь, способствуя развитию мыслей и чувств ребенка.

Когда приходит время юноше или девушке идти в колледж, мы можем считать, что физическое, астральное и ментальное тела в некоторой степени уже дисциплинированы и находятся под достаточным контролем. Потому теперь начинается период, когда душа может определённо передать мозгу впечатление о своем отношении к жизни, чтобы тренировать свои проводники для такой работы жизни, какую она планирует. К сожалению, в современных университетах обучение несовершенно, потому что оно исключительно академическое и, с точки зрения души, имеет малое отношение к практическим проблемам жизни.

Во многих отношениях самая полезная часть университетской жизни — не знания, полученные от преподавателей, а то, что приобретается от общения с другими студентами, в играх и социальных взаимоотношениях. Обычный результат обучения в колледже, достигаемый сейчас, хорошо описан в следующих строках:

Аполлон молодой златовласый,
У порога борьбы и тревог,
Он стоит весь в мечтах о прекрасном
Не готов ни к одной из дорог.

Когда в университетах будут преобладать теософические идеи, то будет признано, что обучение должно быть направлено на то, чтобы студенту были ясны его собственные проблемы с точки зрения его души. Он пришел в жизнь выполнять работу, проведя свои детские и юношеские годы в строительстве своих тел, и теперь он может просмотреть свое прошлое и взглянуть в будущее, чтобы выяснить, кто он есть и какова его работа. В помощь ему могут быть представлены такие аспекты культуры, которые смогут пробудить в нем его опыт синтеза. При воспитании в детском саду и школе пробуждение опыта синтеза уже было одной из целей, но там этот синтез в основном чувствовался эмоционально, тогда как в колледже он должен быть распознан интеллектуально.

Этот синтез приходит к нему путём упорядочивания опытов его прежних и нынешних талантов таким образом, что общее впечатление усиливало присущий ему энтузиазм к той его особой работе, которую он выполняет как душа. Если человек окончил университет, не найдя в себе глубокого энтузиазма к работе, значит университет не смог выполнить в отношении него свою задачу. Функция университета — показать, к чему стоит стремиться в жизни, а не просто оснастить нас для профессии, как это делается теперь. Это было когда-то основной целью университетского образования в Афинах, но в настоящее время так мало ясного понимания, что такое жизнь, что университетские преподаватели сами приходят в замешательство перед великими проблемами существования, поэтому их энтузиазм имеет, главным образом, интеллектуальное и академическое направление. Хорошо известно, что Оксфорду и Кембриджу присуща собственная мощная атмосфера, но она — скорее кристаллизация прошлого, чем живого настоящего или захватывающего будущего.

Настоящий университет должен так обучать своих студентов, чтобы по окончании его во всех трудах их жизни светило спокойное и ясное сияние, как у бессмертного, совершающего работу во времени, и это — реальное основание всякой культуры, заслуживающей этого имени. Было сказано, что функция университета — выпускать джентльменов и учёных, а работа университета с точки зрения теософии должна быть направлена на то, чтобы сделать людей бессмертными служителями.

Именно в университете самыми высокими идеалами жизни должны быть красота и ясность, и величайшим жизненным идеалом, которому нужно учить людей в таком месте в наши дни, должна быть радость сотрудничества со всеми людьми и нациями в единой работе на благо человечества. Из многих достоинств, которые университет может дать мужчине или женщине, наиболее нужным сегодня является воспитание их рыцарями служения, подобными рыцарям короля Артура, "о товариществе которых этот мир и поныне хранит предания".

Те из нас, кто извлек пользу из того, что должен дать университет, знают, как мы ему обязаны, но мы не можем не признать и того, что, оснастив нас интеллектуально, он не научил нас понимать проблемы жизни, перед которыми мы оказались лицом к лицу после его окончания. Нам пришлось медленно и мучительно переучиваться, забывая многие старые уроки, и учить много странных и трудных уроков, о существовании которых наши профессора нам ничего даже не говорили. Если бы это всё можно было радикально изменить, сделав университет местом, где нам, как душам, указывали бы, какую работу и как надлежит душам проделать, и где нас повсюду окружал бы фон Вечности, то университет стал бы важнейшей частью жизни каждого человека. При нынешнем же положении вещей многие мужчины и женщины, не получившие образования в колледже, являются более благородными душами и более великими служителями, чем те, которые провели свои годы в университете. Всё это конечно же изменится, если основные принципы теософии проникнут в образование, и наши профессора прежде всего начнут преподавать те великие истины, которые откроют человеку его божественную природу и научат его развивать эту природу через служение людям.

Глава IV

ТЕОСОФИЯ В БИЗНЕСЕ

Среди религиозных людей широко распространена идея, что бизнес несовместим с истинно религиозной жизнью. Это произошло вследствие того особого представления о жизни, которое передали своим последователям некоторые проповедники религии. Мы знаем, как сегодня люди думают о "религиозных" и "светских" интересах, и это является молчаливым признанием того, что они должны противопоставляться — если и не входя в действительное столкновение, то по меньшей мере взаимно исключая друг друга. Эта концепция происходит от преувеличения в религиях мысли о трансцендентности Бога. О Творце думают, что он, раз создав мир, живёт в некоей сфере, удалённой от этого мира в пространстве, и просто надзирает за ним. В этой религиозной концепции у человека, как творения божия, есть только одна обязанность — угодить своему создателю и обеспечить себе спасение. Я хорошо помню проповедь о долге человека перед Богом, которую я однажды слышал в христианской церкви; этот долг состоит из трех добродетелей: смирения, благодарности и покорности. Проповедник настаивал на раболепии души человека перед Богом, как на необходимом предварительном условии религиозной жизни. Было совершенно очевидным, что, согласно этому, обычная повседневная жизнь и деятельность — дома, в делах, в развлечениях, — не имеет отношения к Богу, и что человек будет судим в соответствии с теологическими добродетелями, которые он приобрёл или не приобрёл. Эта крайность христианских представлений о старых проблемах повседневной жизни человека весьма живо подытоживается в строфе гимна, который пели прихожане в тот день, когда читалась эта проповедь. Вот эта строфа:

Хорошо знакомой дорогой иду я домой,
Я служил миру, но мизерна плата за труд мой,
Тщетны мирские надежды и выигрыш — ноль,
И теперь славлю крест, на котором кровь.

Здесь мы имеем очень яркую картину того, что разнообразная мирская деятельность не находит особого применения в духовном росте человека, и способности, и рост, достигаемые вне чисто религиозной сферы, считаются никчёмными приобретениями. Где бы в религии ни встретились нам идея отречения и аскетизма, там обычно развивается это представление о бесполезности жизни в миру.

Естественным последствием разделения жизни на мирскую и религиозную оказывается появление двух моралей, которые зачастую мало связаны одна с другой. Религиозный человек будет считать, что совершенно законно быть эгоистичным, жестоким, бездуховным в бизнесе, в деловых отношениях с другим человеком, которого в религиозных отношениях он будет стараться любить как "ближнего".

Глубоко религиозный человек, мягкосердечный и добрый в одной части своей природы, всё же обладает другой частью, жестокой и непримиримой, и он не видит причин, почему эту вторую сторону надо изменить, поступившись деловыми интересами и прибылью. Нечистый на руку, но набожный молочник, который по будним дням с совершенным безразличием разбавляет молоко, сделает это и в воскресенье, с благочестивой воскресной миной на лице, а затем пойдет в церковь и насладится своей религией!

Теософия же упраздняет эту двойную мораль, показывая, что деловой мир — это в такой же мере часть божьего мира, как и храмы и церкви. Это Единая Жизнь, которая проявляется через все виды деятельности людей, и все эти виды деятельности, развитые цивилизацией, необходимы в божественном плане. План Бога по спасению человечества действует не только через отдельных людей, но также и через группы людей. Природа человека должна развиваться в эмоциональном, ментальном и духовном отношениях, и одна из причин этого роста — совместная деятельность людей в разных организациях. В коллективной жизни людей требуются различные типы посредников, помогающих исполнять божественное предназначение — это и руководитель, и законодатель, и боец, и учитель, и священник, и целитель, и деятель искусства — все они играют свои роли в божественной драме Жизни, и в не меньшей степени божественным актером является бизнесмен.

Человек, у которого бизнес является главной обязанностью, как душа пришел в жизнь со столь же духовным назначением, как и человек, который является священником. И задача эта — подготовить себя, как душу, к деятельности повсюду и во все времена. Душа приходит не за богатством или лёгкой жизнью, а за способностями, и она отправляется в деловой мир, а не в религию или искусство, потому что бизнес может быстрее научить её тем качествам, которые требуются для её роста, чем любая иная сфера. Подлинные добродетели, приобретаемые в бизнесе, являются в основе своей духовными. Человек не может быть преуспевающим бизнесменом, если не умеет сосредоточиться на одном деле, не может быстро реагировать на открывающиеся возможности и не развивает своё воображение. Это не "мирские" добродетели просто потому, что их развивают в деятельности, которая считается "мирской"; это способности, которые встраиваются в жизнь души.

Конечно, мы обнаруживаем, что множество бизнесменов, в высокой степени наделённых упомянутыми качествами, бывают эгоистичными, грубыми и жестокими, но это не значит, что эти качества бесполезны только потому, что их обладателям недостаёт других добродетелей. Когда мы вспомним, что человек живет много жизней, и раз приобретя ту или иную способность, не теряет её, то мы поймём, что после того, как бизнесмен развил эти полезные качества (пусть это в то же время означало и эгоистичное их применение), в будущих жизнях, когда его видение будет более ясным, он, обратив свою деятельность к альтруизму, тем не менее сохранит эти замечательные способности.

В эволюции человечества используются способности всех людей, как хороших, так и плохих — "злой слепо исполняет праведное дело небес". Некоторые страны мира населены сегодня только потому, что сначала несколько пионеров ушли в степи и леса и сделали их обитаемыми. Они могли отправиться туда из сугубо корыстных интересов, но тем не менее, были использованы как посредники божественного плана. Люди могут уехать осваивать новые страны, чтобы добиться для себя богатства, но мы знаем, что это требует героизма, жертвенности, упорства, стойкости и эти добродетели становятся постоянными приобретениями души. То же самое можно сказать о "трестовых магнатах" и "мясных баронах" Америки и других стран, которые обладают огромными способностями, обладая, вместе с этим, эгоизмом и страстью к власти; но тем не менее, генерируя идеи, делающие бизнес более эффективным, они помогают божественному плану. Что касается эгоизма и страсти к власти, то они будут очищены от них через страдания в будущих воплощениях, а когда после очищения они приобретут более верное видение жизни, у них сохранятся добродетели, которые они развили через свою жадность и эгоизм, и они окажутся более эффективными работниками на стороне блага, чем многие другие, которые были добры и благочестивы, но приобрели мало способностей.

Практический посыл теософии к бизнесмену — что он должен отождествлять себя с высшими возможностями и мотивами в бизнесе, а не с низшими. Что представляют собой эти высшие возможности, мы можем увидеть, если посмотрим на разные стадии развития деловых способностей, которые демонстрируют люди. На ранней стадии коммерческой жизни налицо простая жадность — человек всё время думает о своих личных интересах и пожирает глазами то, чем сам еще не владеет. На второй стадии элемент жадности подчинён ментальному элементу деловой рутины и человек становится практически рабом бизнеса, постоянно находя себя занятию во всех видах коммерческой деятельности, и не всегда ради выгоды, но главным образом потому, что эта деятельность дает ему чувство жизни и реальности. На третьей стадии роста бизнесмен осознаёт себя мастером своего дела, и проявляя свои управленческие способности, он всё больше сосредотачивается на них самих, чем на прибыли, которую они дают. Он часто весьма бескорыстен по отношению к отдельным людям и очень аскетичен в своей личной жизни, в то же время демонстрируя вершины эгоизма в своей предельной целенаправленности при осуществлении этой власти. Но затем неизбежно наступает последняя стадия, когда, упражняя своё мастерство, он наконец видит достойные направления деятельности для себя, как для хранителя божественной энергии.

Бизнесмен-теософ всегда должен нацеливаться на идеализм в своей профессии, и это вполне совместимо с бизнесом даже сегодня, несмотря на все препятствия на пути. Первой характеристикой этого идеализма должно быть представление о своём деле как о благородном вкладе в благосостояние человечества, и вместе с этим — желание довести свой бизнес до высокой степени совершенства. Таким образом он будет чрезвычайно эффективен не только сам по себе, но будет стараться объединяться с другими в ассоциации, чтобы поддерживать этот идеал.

Ещё многое предстоит сделать для того, чтобы бизнесмены объединились — не просто для частных интересов, как в трестах, но для обсуждения фундаментально эффективных принципов ведения дел. В руки бизнесменов божественный план вверяет развитие одного из аспектов мировой работы, и их долг — следить, чтобы их работа шла с минимально возможными затратами времени и энергии. Уже было кое-что сделано для стандартизации инструментов и оборудования, но в этом направлении требуется сделать ещё большее, чтобы во всём мире облегчился взаимный обмен технологиями и изобретениями. Именно от бизнесменов сегодняшнего мира мы ожидаем практического осуществления великих идеалов интернационализма, и пока религиозные учителя будут толковать о вселенском братстве, практические его основания должны закладываться деловыми людьми.

Бизнесмен-теософ всегда помнит, что развитие мира является частью великого плана и "большие люди" во всех областях жизни используются для выполнения божественной работы. Например, прямо сейчас в деловом мире происходят великие перемены, создающие новые объединения. Мы знаем, как безжалостно такие тресты прижимают к стене мелких коммерсантов. И в то же самое время наблюдается медленная трансформация материального развития от работы немногих для своей выгоды к деятельности общенациональных организаций для общего благосостояния. И именно благодаря планам развития бизнеса, составленным в таких корпорациях, когда-нибудь, когда трестами будет управлять не жадность, а духовность, мы сможем полностью искоренить бедность. Каждое изобретение, которое облегчает жизнь людей, является осуществлением божественной мысли, и изобретатель — не в меньшей степени жрец Бога, чем священник какой-либо религии.

Все люди являются проводниками великой Божественной Силы, и когда она проходит через них, они оставляют её при себе — одни больше, другие меньше; и большинство из них не понимают своего долга — трансмутировать силу в насколько возможно обширную деятельность. Если бизнесмен признает этот принцип, то осознает, насколько он является строителем божественного здания человеческой жизни. Разве Христос не говорил: "Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему"? * Отец мистически живёт в нашем мире, как правитель, законодатель, целитель и священник, но он живет также и как "бизнесмен", каким бы странным это ни казалось. Это и есть тот высокий аспект бизнеса, который показывает теософия. Мужчина или женщина, чьей дхармой или долгом является бизнес, может принести высокую духовность в любой труд: в магазине, офисе, на фабрике, в бухгалтерии, делая всё как часть "дела Отца моего".

* В английском переводе: "I must be about my father's business" (от Луки, 2:49) — прим. ред.

Глава V

ТЕОСОФИЯ В НАУКЕ

Среди религиозных философий мира теософия занимает ведущее место в искреннем принятии фактов современной науки. Более того, теософия столь настойчиво апеллирует к наблюдению и обоснованию, что изучающий теософию, имевший до этого какую-либо научную подготовку, познакомившись с теософическим методом, чувствует себя, как дома. Это так не обязательно потому, что заключения науки и теософии одинаковы, но потому, что и то, и другое — результат определённых методов исследования. В значительной мере мы обязаны современным научным методом работам Фрэнсиса Бэкона. Именно он придавал такое значение необходимости точного наблюдения, методичной классификации фактов, и подъёму от отдельных идей относительно этих фактов до общих представлений о законе природы. Этот индуктивный метод позволил современному ученому открыть великие, фундаментальные законы природы и практически применить научные открытия, что революционизировало цивилизацию.

Факты, которые пока что были рассмотрены современным ученым, говорят нам о многочисленных механических процессах в Природе и о её внутренней необъяснимой тенденции к трансформации, которая называется эволюцией, и эта тенденция, которая действует всегда, приносит в существование мириады форм минерального, растительного и животного царств. Наблюдаемые факты показывают нам великую лестницу жизни, которая неразрывно простирается от пылинки до величайшего человеческого гения.

Конечно, нужно признать, что процесс, создавший человеческий разум, не следует рассматривать в связи только с человеком, ибо человек — лишь один вид из мириад. Если мы примем во внимание то, что говорит о человеке наука, то общепринятое сейчас мнение таково, что человек, как индивидуум своего вида — это просто материальная форма плюс силы, действующие через эту форму. Когда эта материальная форма распадается, от неё ничего не остается, кроме небольших изменений, внесённых ею в ход эволюционного процесса её усилиями изменить окружающую среду в движении от дикости к цивилизации.

Теософия не ставит под сомнение ни *факты* науки, ни их достаточный авторитет при решении проблем жизни. Однако, современной науке присущи некоторые слабые места, из-за которых нынешние научные *выводы* имеют лишь частичную ценность. Во-первых, это излишняя поспешность в обобщениях, характеризующая индуктивный метод на практике — теоретически, выводы, сделанные из группы не противоречащих друг другу фактов, должны приниматься за достоверные, лишь пока не обнаружится фактов, этим выводам противоречащих; практически же учёные, когда их гипотезы представляются объясняющими факты, склонны считать, что фактов, способных поставить под сомнение их выводы, и быть не может.

Потому в научных теориях появляются выводы, признаваемые авторитетными, которые на самом деле ненаучны. Поразительный пример этой слабости научного метода можно проиллюстрировать на примере геологических теорий о возрасте Земли, который не так давно признавался равным нескольким тысячам лет. Но открытие одного факта, который сам по себе в эволюции имеет не большее значение, чем любой другой, а именно — открытие свойств радия, видоизменило все эти геологические теории, и теперь учёные уверены в том, что возраст Земли следует исчислять миллионами лет, а не сотнями тысяч.* Второй пример — это то, как десятилетиями теория наследственности была принята как абсолютная в свете предположения, что все приобретённые характеристики передаются потомству, поскольку пока что собранные факты не противоречили этой гипотезе. Но несколько фактов, обнаруженных при скрещивании гороха, и показавшихся настолько малозначимыми, что на них не обращали внимания в течение нескольких лет, теперь полностью изменили прежние теории, и сегодня теории Дарвина претерпели основательные изменения благодаря фактам, открытым Менделем.** Когда начиналась современная наука, намерением Бэкона было, чтобы первые гипотезы, какими бы они не казались верными в своём согласии с фактами, считались лишь, как он выразился, "молодым вином". Но у учёных есть склонность после наблюдения фактов приходить к окончательным выводам, и считать, что поскольку они полезны для практических целей жизни и подтверждаются на опыте, их следует принимать как фундаментальные истины.

* Книга написана в начале XX века; сейчас учёные опять изменили своё мнение и возраст Земли оценивается примерно в 4 миллиарда лет — прим. ред.

** Его исследования положили начало современной генетике — прим. ред.

Второе слабое место в науке имеет место скорее из-за отдельных учёных, и в меньшей степени из-за метода, и примером этого может служить общая склонность учёных игнорировать те факты, которые доказывают существование в человеке психической или духовной природы. Из-за ненаучного предубеждения учёные соорудили барьеры на пути к истине в этих вопросах, столь же губительные для прогресса человечества, что и ранее возведённые богословами. Даже сегодня небольшая группа ученых, исследовавших те факты о духовной природе человека, которые доступны современным научным методам, встречается с лженаучной враждебностью, когда оглашает результаты своих исследований, и происходит это главным образом потому, что эти результаты разоблачают догматизм прошлых научных выводов.

Третье и более фундаментальное слабое место науки в том, что она по природе своей неспособна дать действительную философию жизни, насколько это касается жизни практической. Каждый день к старым запасам фактов добавляются новые, и появляется так много специальных отраслей науки, что мы не можем уже "увидеть лес за деревьями".

Сейчас открывается столько фактов, что каждый научный "закон" необходимо рассматривать как рабочую гипотезу, если мы хотим быть строго научными; один новый факт — например, открытие радиоактивности — может означать основательное изменение "закона". Наука вправе лишь описать процесс, но не может задать направление; не имея всех фактов, она не может научно спрогнозировать какой-либо результирующий вектор. Поэтому она никогда не может дать философию, но может дать необходимые для нее факты.

Теософия, постоянно имея дело с фактами Вселенной, является лишь продолжением науки; разница, однако, в том, что теософия исходит из более обширного набора фактов и указывает, как человек может открыть для себя то направление жизни, которое и будет для него истинной философией поведения. Факты теософии собираются точно тем же путем, что и факты геологии или физики, то есть путём тщательно развитого искусства наблюдения, дедукции и индукции, и многократно проверяются каждым новым фактом. В теософии есть традиция древней мудрости, тщательно выстроенная могучими научными разумами, применявшими этот метод, которых называют Учителями Мудрости. Это их научные знания излагает современная теософия. Основное отличие этой древней науки от современной заключается в выводе, сделанном ею в свете фактов, открытых древними учеными, а именно, что эволюционный процесс состоит в двустороннем развитии — развитии жизни и развитии формы. Каждый предмет состоит из формы, в которой он видится, и жизни, удерживающей материю в этой форме, но способной к независимому существованию после распада этой формы. Эта жизнь может почти не иметь видимых жизненных свойств, как в куске минерала, или демонстрировать первые зародыши того, что мы называем жизнью, как в грибах. И точно так же, как наука показывает великолепную лестницу эволюции форм, теософия демонстрирует подобную же лестницу эволюции жизни и сознания, простирающуюся от сознания атома до сознания творца вселенной. Учителя Мудрости также ввели в сферу научного наблюдения невидимые миры, к границам которых стали подбираться в своих опытах и некоторые современные учёные.

Более того, теософия может дать то, чего современная наука дать не может, а именно — доказательство конечной цели эволюции, которая состоит в преображении индивидуального человеческого сознания путём перевоплощения и роста в сознание, демонстрирующее свойства божественного. Бессмертие души и её неуклонный рост в более великую жизнь уже не являются простым умозрением, ибо теософия указывает, как каждый может узнать эти вещи самостоятельно.

Метод открытия этих "конечных целей" логически проистекает из высших идеалов современной науки, которые провозглашают чистое и безличное наблюдение и мышление. Теософия проносит эту высокую научную мысль в более обширные царства, представляя разуму более широкие диапазоны фактов невидимых миров. Высокое развитие воображения, даваемое теософией, будучи подвижно совершенным альтруизмом, пробуждает в сознании индивидуальности новую способность, которая более обширна, чем ум, и она-то и может познать конечные причины.

Когда совершенный ученый или истинный теософ "отбросит своё я" в своих наблюдениях жизни, их ум приобретает сияющее качество, которое делает ум зеркалом, отражающим способность, превосходящую сам ум. Эту новую способность вернее всего назвать интуицией, хотя это слово отражает её суть лишь частично. Она приобретается не внешними средствами, но рождается в собственной внутренней природе человека, и даёт ему единственный критерий Истины, ибо вне всяких сомнений самого критического ума он становится способен прямо познавать истину сам. Таким образом, научная тренировка ума получает продолжение, пока сам ум не превосходит, и тем самым теософия заполняет неизбежные пробелы в научном методе, давая каждому этот конечный критерий, из-за отсутствия которого наука неспособна дать действенную философию жизни и поведения.

Великая ценность науки в человеческой эволюции — не только в тех практических изменениях, которые внесло в цивилизацию открытие законов природы, но и в духовной подготовке, которую получает всякий, кто учится быть научным в своих наблюдениях окружающего мира. Никто не может обойтись без научного метода, пока он не достиг достаточной ясности, безмятежности и чистоты ума, которые раскроют в нём высшие способности интуиции. И чем больше фактов природы, проникающих в сознание человека, будут наблюдаться им чисто и беслично, тем больше это будет помогать ему осознать в себе высшую природу. Вот почему научный метод — необходимая часть высшего обучения человека и его духовного роста.

Приложение теософии к науке означает, что научные факты рассматриваются главным образом не в свете их утилитарней ценности и удобств, которые они могут дать человеку, но, прежде всего потому, что их понимание показывает человеку истинную гармонию большего целого, частью которого он является. Не существует для человека большей чести или силы, чем осознать работу божественного разума во всех проявлениях природы, ибо когда он увиден, он видится как Благое, Истинное и Прекрасное, и когда он почитается, сам человек растёт в мудрости, силе и красоте. Нужны лишь незначительные изменения в нынешнем подборе научных фактов, чтобы показать человеческому разуму удивительное устройство природы и сделать совершенство и гармонию доступными и глазу, и мозгу. Изучение природных форм под руководством ученых-теософов может проводиться даже с маленькими детьми, чтобы научить их умы с почтением относиться ко всем проявлениям жизни, будь то камень, растение или животное. Особый упор надо делать на геометрию в природе, по которой электроны встраиваются в атомы, атомы составляют элементы, а элементы — формы минерального, растительного и животного царств. Должны изучаться не только химические силы, но и химические формы. Тела Платона* с их развитием от тетраэдра до икосаэдра должны изучаться как "оси роста" всех форм. Тогда наука даст алфавит ритма и красоты, изучив который, человек сможет узнать, как найти красоту везде, в каждом предмете всех миров — видимых и невидимых. Чистый разум — слава науки, и чистый разумом сознательно радуется всему доброму, истинному и прекрасному, отражающемуся в его уме.

* Правильные объёмные фигуры, у которых все стороны и все углы равны — прим. ред.

Каждого ребенка следует учить наблюдению жизни окружающей природы; он должен проявлять глубокий интерес к тем фактам природы, которые находятся в пределах его опыта, а его родители должны тщательно вести его от стадии к стадии в его открытиях и его мышлении, пока, пусть и с детскими ограничениями, он не разовьёт способности к безличному наблюдению. Тогда он приобретёт если не интерес к природе, то по крайней мере глубокое уважение к ней. Эта способность, развиваемая в нём научной тренировкой, повлияет на весь его менталитет, позволив ему гораздо быстрее подойти к истине во всех областях своей жизни, чем было бы возможно иначе. Его нравственная природа сможет проявить больше справедливости, потому что он будет менее страстным в своих суждениях; он меньше будет подвержен влиянию слухов, мнений и популярных предрассудков, потому что в нём будет расти инстинкт, предостерегающий его от тех представлений фактов, которые основаны на иллюзии, а не на реальности. В мире было бы меньше злобы и ненависти, сплетен и предрассудков, если бы людей с детства обучали основам научного мышления; эти моральные слабости станут невозможны, когда будет устранён их корень — ложное мышление.

Задача теософии — помочь науке найти свою *истинную* силу, которая станет её помощницей в открытии истины. Ибо то, с чем имеет дело наука, то есть факты природы, — это выражения великой Божественной Жизни, и тот, кто может подойти к факту в истинно научном духе, поистине предстаёт перед самим Богом. Ведь всякий факт, будучи ясно воспринят, есть фрагмент великой Реальности, в которой есть всё, что нужно людям для их роста и счастья. Чем истиннее теософ, тем более он научен, равно как и чем вернее учёный своему идеальному методу, тем в большей степени он является теософом, хотя и не именуется так.

Глава VI

ТЕОСОФИЯ В ИСКУССТВЕ

Значение и место искусства в жизни возрастает с каждым днем по мере того, как люди развивают больше способности мыслить и чувствовать. Чем выше цивилизация, тем большее влияние оказывает на нее искусство; а способность человека к художественному представлению и выражению становится во многих отношениях мерилom его эволюционных достижений. Почему это так, мы увидим, когда исследуем, что же такое искусство с точки зрения теософии.

Вся наша жизнь ведёт к действию — даже в глубокой медитации человек действует, причём в действительности его действия куда более энергичны, чем при простом нарушении равновесия физической природы. Каждое действие — итог серии ментальных или эмоциональных усилий. Когда действие исходит от мысли, которая имела дело с реальностью, а не с иллюзией, и была основана на истине, прямо соответствуя фактам природы, оно будет мудрым, справедливым и пойдёт на благо и самому человеку, и целому. И функция науки в том, чтобы обеспечивать верность действий путём очищения ума и обучению его быть верным реальности.

Функция же искусства, с другой стороны, побуждать верные действия через верные чувства, и поскольку искусство показало себя во многих отношениях синтезом высшего самовыражения человека, то очевидно, что в диапазоне наших эмоций есть такие, с помощью которых мы можем прийти к истине быстрее, чем путём упражнений самого разборчивого ума. В своей эмоциональной природе человек, с одной стороны, в некоторых своих желаниях находится ближе к животным, а с другой стороны в нём есть такие эмоции, которые открывают скрытые запасы сил, делающие его полным хозяином обстоятельств. И именно к этим, более тонким чувствам, имеет отношение искусство. Глубокое чувство прекрасного, проявляемое нами, например, при виде заката, в один момент производит синтез прошлых опытов жизни и представляет их нашим эмоциям в огромных, всеохватывающих обобщениях; музыкальная фраза в определённом настрое может дать нам проблеск небесного мира; а красота человеческого лица может направить нас туда, куда ведут все философии в поиске вечных истин. И эти конечные результаты, которые в высшем своём развитии даёт нам интеллект, в равной степени, а иногда даже глубже и вернее, могут дать нам и наши чувства.

Понимание теософии объясняет процесс того верного чувствования, которое необходимо для искусства. Чувство, если исследовать его внутри человека, является настроением, но с внешней точки зрения оно является установлением вибрации проводника, называемого астральным телом. От чистоты материала, утонченности структуры и пластичности астрального тела зависит природа человеческих чувств, а следовательно, и его способности в искусстве. Теософия в применении к искусству в первую очередь имеет дело с очищением и тренировкой чувств.

Поскольку астральное тело в своих чувствованиях столь зависимо от импульсов, достигающих его через физическое тело, очищение физического тела приобретает принципиально важное значение. Соответственно качеству пищи выстраивается тот или иной тип тела; если в диету входит мясо любых животных, тело приобретает грубое строение, которое воздействует и на строение астрального тела, являющегося проводником чувств; если же еда чистая и утончённая, то более тонкое строение физического приводит и к чистоте и утончённости астрального. Верно и то, что раньше некоторые великие художники обладали, с точки зрения теософии, грубыми телами и, в то же время, были создателями замечательных произведений искусства; но это только означает, что они могли бы достичь большего, кабы часть их творческой силы не терялась при передаче через загроublённый физический проводник. Вместо того, чтобы волей преодолевать законы природы, лучше следовать общему правилу, согласно которому чем чище физическое тело, тем больше его способность к чувствованию, а следовательно — и способность к искусству.

Затем, чувства следует тренировать, чтобы они не откликались на то, что ведёт к нечистоте, и были остро чувствительны к тому, что способствует их очищению. Здесь сразу же возникает вопрос: "Что же такое чистота?". Мы ответим на этот вопрос не с точки зрения морали, а с точки зрения искусства. В искусстве чистота означает правильную оценку Красоты. Нам не нужно сейчас обсуждать, что же такое Идеальная Красота, которая является неизменным образцом, ведь в мире уже есть некоторое знание о ней, и для практических целей жизни нетрудно отличить прекрасное от банального или безобразного. Главное — это осознать, что для художественного развития необходимо постоянное общение с прекрасным и решительное избегание того, что некрасиво. Мы мало сознаём, как линии предметов, окружающих нас в доме и на улицах воздействуют на наши астральные тела, а тем самым — и на нашу эмоциональную природу; диссонанс цвета и звука, нечистота линий и форм корбит нас, что ослабляет наши нравственные и умственные силы. Человеку оказывается трудно быть добродетельным главным образом из-за того, что его окружает так много уродливого. Как бактерии в пыли и воздухе, а также паразиты различных видов вызывают болезни и ослабляют физическую жизнеспособность людей, точно так же, невидимо, но не менее губительно, действуют полчища эмоциональных бактерий, безобразные линии, формы, цвета и звуки, заражая наши чувства и вызывая в них хронические нравственные болезни, истощающие жизненные силы души. Цивилизация еще не пробудилась и не видит всей серьезности этой скрытой инфекции, но она происходит всё время, хотя мы мало сознаём её, потому что к ней "привыкли". Но природа души никогда не привыкает к уродству и злу, и внутреннее напряжение даёт о себе знать во внешней раздражительности. И как детские капризы можно проследить к вреду, нанесённому детскому телу неподходящей пищей или каким-нибудь раздражителем, вроде колющей булавки, так же обстоит и с человеческой склонностью к злему — видимые и невидимые безобразия в жизни часто ответственны за преступления людей в гораздо большей степени, чем их собственные преступные наклонности.

Поскольку каждый предмет окружающей нас среды невидимо влияет на нашу способность к чувствованию, ожесточая и огрубляя наши чувства, или напротив, делая их более острыми и глубокими, практическое понимание места искусства в жизни означает полную перестройку среды, окружающей каждого человека. Особенно она необходима для детей, поскольку астральные тела в детстве и юности гораздо чувствительнее к внешним влияниям, чем у взрослых. Каждый из предметов, окружающих ребенка с момента рождения, должен нести в себе касание красоты; линии, изгибы и цвета стен и потолков, а также мебель должны быть специально подобраны с целью правильного влияния на чувства ребёнка. Неуклюжим заборам, обезображенным участкам и нестройным звукам не должно быть места в наших городах — их следует удалить оттуда если не ради нас, то хотя бы ради детей. Мы настаиваем на санитарных нормах, охраняя здоровье физического тела, так почему же в равной степени мы не настаиваем на моральной санитарии для охраны здоровья и чувствительности наших тонких проводников?

Таким образом, одна составляющая верного чувствования — это чистота чувств, а вторая — симпатия или сочувствие. Чувство не будет верным, если в нём не отражается более обширный мир человеческих горестей и радостей; каждое чувство, способное на высшую чувствительность, которая и творит искусство, должно заключать в себе в миниатюре сходные чувства всего человечества. Нет такой вещи, как "искусство ради искусства", если под этой фразой подразумевается, что существует мир искусства и красоты, не соотносящийся с миром людей. Высочайшее искусство, сознательно или бессознательно, имеет свои корни в сердцах людей, хотя цветы на ветвях искусства могут подниматься вверх к небесам; самая абстрактная музыкальная фраза симфонии Бетховена всё же имеет свое отражение в наших человеческих чувствах. Чем больше чувства художника раскрываются в своём сочувствии к человеческим страданиям, надеждам и мечтам, тем шире раскрывается горизонт его искусства, и тем универсальнее понимается его художественное творение. Отсюда следует, что художник должен тренировать свою способность к симпатии наблюдением, медитацией, путешествиями и практическим служением человечеству; целенаправленно используя свои очищенные чувства как инструменты своего искусства, он должен поддерживать их широким и чистым интеллектом. Для художника нет большего благодеяния, чем теософия, которая учит, что такое универсальные человеческие чувства и в чём для людей состоит "божественный план", созерцание которого является неиссякаемым источником мудрости и очищения.

Хотя для чисто художественного развития по темпераменту подходят лишь немногие, нет мужчины, женщины или ребенка, у которых бы не было явных способностей к художественному чувству и выражению. Следует совершать все усилия, чтобы пробудить в ребенке спящие наклонности к пониманию красоты. Его следует не только окружить красивыми вещами, но и учить создавать их. Энергии его физического тела нужно обучать ритму через танцы; глаза и мозг нужно тренировать рисованием.

Ребёнка нужно учить тому, что такое чистые звуковые тона в речи и пении, а его воображение следует тренировать с помощью поэзии и абстрактной музыки. Долг родителей — не только смотреть за здоровьем физического тела ребенка, но и следить, чтобы у их детей был утонченный вкус. Помещая перед чувствительными и неиспорченными детскими натурами лишь лучшие образцы вкуса и искусства, мы придаём огромный импульс раскрытию божественного духа в человеке. Ведь искусство — не столько способность души, сколько элемент её сокровенной структуры. И как бесчувственность камня в эволюционном процессе уступает место чувствительности растения, неясные чувства растения — всплескам страстей животных, а зачаточное мышление животных — связанному мышлению человека, так и человеческая способность интеллектуального постижения должна быть подчинена интуитивному знанию. У большинства людей интуиция спит или ощущается смутно, но следующая стадия в человеческой эволюции — понимание жизни в полном свете интуиции. Поэтому художественное развитие становится в высшей степени необходимо для всех людей; оно позволяет им при помощи интуиции быстрее и полнее совершать труд своей жизни, чем это было возможно при помощи одного лишь мышления. Верно, что самая возвышенная мысль, когда она движима стремлением к служению, благодаря своей крайней безличности касается сферы интуиции; и великие философы в особенности достигают того же прозрения проблем жизни, которое даёт чистая интуиция, когда отражается в искусстве. Но гораздо легче сделать людей чистыми и сострадательными, чем безличными в мышлении; и потому, хотя наука и философия существенно необходимы для человеческой культуры, она намного быстрее развивается с помощью обращения к художественным чувствам людей.

Когда, окружив людей прекрасным и научив их на него отзываться, пробуждают в них интуицию, они открывают более высокую и долговечную истину, чем может открыть им наука. Огромное преимущество видения истины через интуицию состоит в том, что это всегда синтез; каждая истина жизни, открытая интуицией, связана с всеобщей истиной, и человек в своих дальнейших открытиях может двигаться по пути, в котором нет ни разрывов, ни отклонений. Интуиция позволяет видеть ход вещей яснее, и с более центральной точки зрения, чем самый высокий и чистый умственный процесс.

Редко что может сравниться в гуманизирующем влиянии на жизнь с искусством, когда его внутренняя сила понята и использована сознательно. Каждое чувство, пробуждаемое искусством, подобно сегменту круга универсального чувства, в котором чувства всего человечества являются тоже сегментами. Каждое произведение искусства — не просто плод воображения или ловкая выдумка, а реальное творение, которое является окном в божественный мир идей и связывает творца со всеми людьми, оно делает его единым со всем человечеством.

Душа, способная создать за одну жизнь хотя бы одно произведение искусства, будь то в мире мысли или в эмоциональной сфере, уже соединена со всем человечеством в мере, которую допускают её художественные способности; а великий поэт, художник, скульптор или музыкант становится вечным пастырем человечества, соединяя его с Богом. Эта объединяющая способность искусства является силой, которая пока ещё смутно понимается человеком; но когда цивилизация повсеместно станет инстинктивно проникнута искусством, тогда немилосердие и враждебность совершенно исчезнут, ибо любить искусство — значит любить ту Всеобщность, в которой каждый из нас является бесконечно малой частицей.

И наконец, через художественное развитие делается открытие, которое предельно революционизирует жизнь открывателя. Истинное искусство, как уже объяснялось, рождается там, где есть чистота чувств и симпатия, и когда искусство становится творческим, результатом становится высокая безличность. Результат "отбрасывания я", достигаемый научной мыслью, также достигается и художником, когда он творит; все великие художники соглашались, что в самые возвышенные моменты вдохновения все мысли о своем маленьком я исчезают, и уносится прочь даже ощущение этого я. Когда маленькое я исчезает, в жизнь художника на время вступает большее, высшее Я, которое не поддаётся описанию. Открытие этого истинного мастера его искусства, безошибочного в своей мудрости, является огромным событием в жизни художника. Это — "спасение" художника, то осознание вечной безопасности человека и его бессмертной природы, которое религии пытаются дать через экстатическое созерцание. Возможно, художник делает это великое открытие лишь в редкие моменты своей творческой жизни, но каждый момент открытия — веха в его бесконечном художественном пути, и даже хотя бы раз узнав это высшее Я, человек с тех пор видит жизнь иным, более широким взглядом, чем позволяют обычные глаза людей.

Художники, обладающие таким видением, принадлежат уже не только своей эпохе, но становятся вневременными, и их окружает идеальный мир, отбрасывая свой многоцветный отблеск на однообразные события нашего бренного мира. Этот мир всегда вокруг нас, хотя только великие художники могут сказать нам, каков он в его целостности и величии. Но получить его проблеск может каждый человек, если тренирует свои чувства быть чистыми и излучать сочувствие и понимание. Ребенок, со своей невинностью в действиях и целостностью сознания, может обрести видение этого мира, становясь на время истинным художником; его отблески видны в цвете облаков, голубизне моря, шуме волн. Эта красота отражается в горных цепях, в каждом озере и луже, в вечерних полях, в лесах и чащах; этот мир заглядывает в наши умы и сердца. Лицо друга или возлюбленной — его зеркало; гармония музыки говорит нам о нём со сводящей с ума настойчивостью. Великая Реальность, в которой корни нашей бессмертной природы, вовсе не где-то далеко, но это осознаётся лишь после смерти, хотя — кто знает? Она здесь и сейчас, и она — источник всякого утешения, также как и причина всего затухания и смерти. И у искусства есть ключ, открывающий дверь к ней, для всех, кто ищет эту дверь.

Глава VII

ТЕОСОФИЯ В ГОСУДАРСТВЕ

Всякая великая этическая система выстаивает или падает соответственно её воздействию на людей, образующих организованные государства. Поскольку человек является единицей социальной организации, то ценность для него любого этического учения неотделима от его приложения к обществу, частью которого он является. Точно так же, как понимание некоторых простых истин теософии изменяет представление человека о себе, понимание того, что же составляет истинное государство, будучи рассмотрено в свете теософии, глубоко меняет отношение человека к жизни среди своих собратьев — людей.

Ведь что представляет собой современное государство? В главном оно мало отличается от стаи высших позвоночных, таких как волки и шакалы. Как цель стаи — защищаться от общего врага и легче добывать себе пищу, так и цель современного государства — защита от агрессии и увеличение своих средств существования. Государством правит сегодня мораль стаи; всякий, кто ослабляет мощь сопротивления государства или его агрессию, или уменьшает количество продуктов, считается врагом государства. Отсюда и наше отношение к нарушителям закона и бедным: совершившие преступление считаются лишёнными гражданских прав и наказываются, причем больше для того, чтобы удержать других от преступления, чем с намерением исправить преступника. Мы не расследуем, что толкнуло его на преступление и кто ответственен за то окружение, которое сделало его преступление возможным. Бедного человека считают неудачником, отбросом цивилизации, и мы не спрашиваем, насколько само государство ответственно за причины его бедности. Армия и флот являются неотъемлемой частью современной цивилизации, и горе тому государству, которое откажется подражать другим, не оснатив себя так, чтобы быть эффективным в уничтожении. В наших обычных представлениях о государстве и в мнении большинства людей, индивидуум в значительной мере рассматривается как животное, которое должно быть *взнуздано* для блага государства, а соседние государства считаются соперниками, против враждебности которых государство должно быть всегда начеку. Насколько радикально отличаются от этого теософические представления о государстве, станет видно, если мы приложим к проблемам государства истины теософии.

Что касается истинного государства, два относящихся к нему фундаментальных факта следующие. Во-первых, государство — это братство душ, а во-вторых, государство есть выражение Божественной Жизни. Давайте посмотрим на государство в свете этих двух истин.

Государство есть братство душ. Индивидуальности, которые составляют государство — это бессмертные души в земных телах; они являются членами государства для того, чтобы развиваться вплоть до идеала совершенства.

Как души, которые *все* причастны божественной природе, в государстве — все братья; богатые или бедные, культурные или невежественные, законопослушные или нарушители закона — все братья и ничто из совершаемого отдельной душой не может изменить этого факта природы. Образованный или надменный может отказаться видеть тождественность своей природы с невежественным и низким; слабый и преступный может показать больше признаков животного, чем Божественного. И всё же и в высоком, и в низком — одна природа Божественной Жизни, и ничто из того, что совершает человек, не может ослабить узы братства между ним и всеми остальными.

Но Братство всех душ подобно семейному братству; братья не все равного возраста, хотя и от одних родителей. Среди душ, которые составляют государство, также имеются старшие и молодые души, и именно эта разница в их духовном возрасте и способностях делает возможным функционирование реального государства. Возраст души можно увидеть по степени ее отклика на идеалы альтруизма и сотрудничества; та душа старше, которая спешит помочь в достижении процветания другим, и та душа моложе, которая думает в первую очередь о своих личных интересах, и заботится о своих нуждах, а не о самопожертвовании во благо других. Наблюдаемое в современной государственной жизни неравенство по положению и богатству не является истинным делением на старшие и младшие души; один человек, родившийся в правящем классе или высокой касте, может быть очень молод душой, а другой, который по мирским представлениям не столь благородного рождения, может оказаться душой, продвинувшейся гораздо дальше вперёд.

В каждом государстве есть старшие и младшие души, и Закон Братства требует от старшей души большего самопожертвования ради младших, чем от младшей — ради старших душ. Поскольку за долгие века жизнь дала старшим душам больше, с них больше и спрашивается — и по части самопожертвования, и по части ответственности.

По естественному порядку вещей управление государственными делами неизбежно ложится на старшие души. Вне зависимости от того, находится ли у власти в государстве монархия, олигархия или демократия, когда оно начинает исполнять свои истинные функции, управление его делами оказывается в руках аристократии — лучших душ, то есть душ более старых и способных. Эти лучшие души могут называть себя демократами или республиканцами, и власть им может быть доверена народом, но факт остаётся тем же — управление государством передано младшими душами в руки старших. И пока в отдалённом будущем не наступит день, когда каждая душа, как божественный законодатель, станет законом самой себе, управление государством должно оставаться в руках немногих, которых мы называем правителями или администраторами.

Великий принцип, которым они должны руководствоваться в своём правлении — это принципом братства, который будет доминировать во всем.

Это будет значить, что всякое страдание любого из граждан, которое можно предотвратить, или невежество и отсталость хотя бы одного из них наносит ущерб благосостоянию всех граждан; а поскольку судьба каждого неотделима от судьбы всех, и с подъёмом одного поднимаются все, а с падением одного — все падают, не должно быть и тени эксплуатации одного человека или класса другим. И поскольку все люди — души, и даже самые малоразвитые из них — боги в становлении, долг каждого администратора во всех законах и государственных институтах постоянно обращаться к той божественности, которая скрыта в человеке. В существующих государствах пытаются прежде всего обуздать пережитки животного в человеке, но при этом совершенно забывают о существующей в нём способности к сотрудничеству на стороне добра, которая проявится, если только обратиться к пребывающему в нём Богу.

Когда в государстве придет признание этого Бога, скрытого в человеке, произойдет полная революция в нашем отношении к преступникам и в нашем обращении с ними. Что бы они ни совершили, прежде всего — они наши братья. Они воистину младшие братья для нас, старших, проявляющих добровольное законопослушание, но даже после тысячи падений они остаются нашими братьями. Проблема преступности тогда для нас прежде всего сводится к пониманию причин, которые способствуют совершению преступлений, а во-вторых, к средствам правильного воспитания характера нарушителя закона, которое сделало бы невозможным рецидив.

Причины, которые вносят свой вклад в преступность, бывают физические и умственные. Из физических большой вклад вносит недостаток здоровья, происходящий от плохих жилищных условий, плохого питания или заразных болезней, и, если налицо одна из этих причин, часть ответственности за преступность ложится на руководителей государства и на тех, кто их избрал. Ментальные причины бывают индивидуальными и общественными. Индивидуум приносит свою слабохарактерность из прошлой жизни, и она усугубляется неблагоприятным окружением вместо того, чтобы атрофироваться в благоприятном окружении, как это должно быть. Индивидуум ответственен за преступление лишь в меру своих собственных недостатков, и не обязательно их одних было бы достаточно, чтобы подвигнуть его на преступление. Часто силы, необходимые для преступления, придают преступнику *другие*. Например, когда слабовольный, малоразвитый человек в состоянии опьянения совершает убийство, мы увидим, если проанализируем все скрытые причины, что к его ярости и гневу была добавлена дополнительная сила ненависти со стороны. Какой-нибудь внешне законопослушный гражданин из ненависти хотел убить противника, но воздержался, боясь последствий. Хотя он воздержался от действия, он не воздержался от мощной мысли об убийстве. Его мысль, выпущенная в атмосферу, летит к слабовольному, пьяному человеку, одной воли которого недостаточно для совершения убийства, и охватывает его в момент гнева, разряжая через него всю свою силу и совершая через него убийство.

В каждом преступном деянии всякого преступника есть и наша доля вины.

И мысли злости, ненависти и гнева с виду законопослушных граждан вносят в преступность такой же вклад, как и врожденные слабости самих преступников. Преступление, совершённое одним, вызвано всеми, и конечный исполнитель не один ответственен за проступок, но ответственен всякий и каждый, кто побудил его к совершению этого деяния.

Обсудим теперь, как лечить преступника. Поскольку преступник в основе своей болен, и поскольку все внесли в его болезнь свой вклад, в лечении не должно быть даже мысли о наказании. Наоборот, нужно руководствоваться мыслью об исправлении. Функцией государства, как охранителя всякого гражданина, было обеспечить, чтобы из среды было удалено всё, что может взрастить зерно зла в слабовольном человеке. Если он всё же совершил преступление, то это является доказательством того, что государство не оправдало доверия, возложенного на него Божественным Законом. Мы, как граждане государства, обязаны лечить болезнь нарушителя закона не ненавистью, как сейчас, когда мы наказываем его и сажаем в тюрьму, но нашим Братством. Мы же не наказываем больного туберкулезом, а стараемся лечить его лучшими средствами, которые можем обеспечить, и не экономим государственных средств на спасение жизни. Подобным должно быть и наше отношение к нарушителю закона, являющемуся нашим братом.

Если бы мы только могли осуществить в государстве братство, объемлющее всех его граждан, то обнаружилась бы целая дюжина новых способов предотвращения преступлений. Наше растущее чувство гуманности уже нашло альтернативу тюремному заключению в системе условных наказаний, принятой во многих странах для впервые ставших правонарушителями, и в подростковых судах и исправительно-трудовых колониях для малолетних этот метод уже доказал свою эффективность. Мы начинаем лечить преступника, относясь к нему как к человеку и лишь ещё немного развития с нашей стороны необходимо, чтобы мы отнеслись к нему как к нашему брату. Тогда в нашем распоряжении будет достаточно мудрости, чтобы решить многие из проблем, ставящих нас сегодня в тупик, когда мы пытаемся улучшить жизнь наших собратьев.

Если бы всё наше законодательство можно было бы составить так, чтобы из него было ясно, что первейший и святой долг государства — не защита права собственности, а сохранение Братства; что люди считаются не зверями, животные качества которых подразумеваются по умолчанию, а сынами божьими, чья божественная природа должна постоянно раскрываться в ответ на идеалы чести и братства; что отказавшийся сотрудничать с государством не считается им в меньшей степени гражданином и братом, но напротив заслуживает большей заботы ввиду своей слабости; и если бы это представление о государстве преподавалось каждому ребёнку и уважалось всеми мужчинами и женщинами, тогда бы преступность действительно снижалась из поколения в поколение, а радость сотрудничества сменила бы горечь состязания, и на Земле впервые бы появилось истинное

государство. Когда-нибудь повсюду на Земле появятся эти настоящие государства, ибо Божественный План состоит в том, чтобы люди осознали, что истинное государство — это Братство Душ.

Государство является выражением Божественной Жизни. Этап за этапом по восходящей лестнице жизни Божественная Природа как имманентность открывает себя в камне, растении, в беспозвоночных и позвоночных животных; каждый этап раскрывает всё больше её жизни в большей сложности организма, со стороны формы проявляя множество частей, встроенных в единое целое, а со стороны жизни давая новое выражение жизни, более высокое, чем отдельно взятые жизни составных частей. То же самое происходит и с людьми, и из людей создаются новые проводники для Божественной Жизни. На одном этапе это Бог — человек, на следующем это Бог — семья, и мы начинаем видеть в семье больше возможностей жизни для каждого члена семьи, и сознавая эти возможности, мы чувствуем новый зов к жертвенности и идеализму — для семьи. Человек, как единица семьи, обнаруживает, что его Божественная Жизнь окружена всё более обширным и всё более мистически прекрасным сиянием, которое окутывает его, как питательная материя окружает ядро клетки.

Затем приходит следующий этап, когда на человека нисходит другая, более великолепная волна Божественной Жизни, и из семей строится государство, формируя из этих единиц новое и более обширное целое. Отсюда для каждого внутри государства выявляются новые возможности жизни. Новая сфера Божественной Жизни окружает души, которые составляют государство, питая их новыми надеждами и мечтами, с которыми они будут жить, как мать питает дитя, находящееся в её чреве, наполняя молодую жизнь своей собственной кровью.

Если бы граждане только знали об этой опекающей жизни, которая является сутью государства, тогда бы они могли радостно строить для неё совершенный проводник из самих себя, своих домов и городов. Безобразное исчезло бы, и ему на смену пришли бы прекрасные жилища и города; болезни и нищета остались бы в памяти как страшный сон, и бедность, злоба и войны никогда бы не омрачали спокойную и радостную жизнь государства. На лице каждого гражданина тогда отражалось бы что-то от славы государства; мастер, трудясь вместе со своей страной и неся её заботы, приобретал бы её красоту и величие, а художник и мечтатель раскрывал бы иную красоту, чем он открывал и провозглашал сам. Ведь как человек ищет Бога, так и Бог ищет человека; и как человек с медленным течением времени поднимается из дикости и становится цивилизованным человеком, а из одинокого и своекорыстного становится членом семьи, а затем и государства, так и Бог спускается к человеку сначала как его совесть, его надежды и мечты о бессмертии, а потом как семья и государство. Ибо истинное государство — это откровение Бога, и поскольку ему ещё предстоит прийти, люди стараются изменить своё окружение от плохого к хорошему, а от хорошего — к лучшему.

Двигаясь через варварство и дикость, через эгоистическую жадность, через братоубийственные войны государства мира постепенно меняются, и люди поднимаются от животного к Богу; они меняются потому, что Бог как государство востребует своё жилище. Это знание о Боге в его государственном аспекте теософия и открывает тем, кто хочет понять, что ждет людей в будущем.

Когда люди поймут, что составляет истинное государство, тогда придёт более полное откровение Бога в виде мирового государства. Через все государства мира тогда проявится цель более значительная, чем люди когда-либо мечтали; каждое государство даст новые, прекрасные достижения, потому что над всеми ими будет царить могущественный Божественный План, наконец осуществленный. Не будет вопроса, какое государство лучше, потому что где коснулись руки Бога, там и совершенство. Станет ли человек, видя божественное чудо заката, спрашивать, красивее ли розовый золотого или голубого, или желать, чтобы весь закат был одного цвета? Таким прекрасным станет и мир, когда Божественная Мудрость могущественно и нежно станет править всеми вещами. К этому Дню стремится всё человечество и все государства мира, и они в конце концов достигнут этой цели, потому что таков Божественный План.

Мудрость в планировании, уверенность в стараниях и радостная перспектива днем и ночью, во всех проявлениях жизни, являются тому, кто таким образом видит божий мир и мир человеческий, освещенный теософией.

Перевод А. Плахотник под редакцией К. Зайцева